ДОНСКОЙ писатель

№ 11-12 – 2023 г.

Литературная газета Ростова-на-Дону и Ростовской области

Газета издаётся при поддержке Министерства культуры Ростовской области

Дорогие поэты и прозаики,
весь читающий народ!
Земляки и гости Донского края!

От всей души поздравляем Вас с наступающим Новым годом! Желаем сибирского здоровья, успехов в делах и творчестве, праздничного настроения, множества поводов для радости! Пусть воцарится мир на всей планете, и будет процветать наша земля! Пусть рождаются здоровые дети, и строятся удобные дома и школы, пусть издаются новые замечательные книги, снимаются лучшие фильмы, поются жизнерадостные песни!
С Новым 2024 годом, друзья!
Редакция газеты «Донской писатель»

С Днём рождения!

Поздравляем наших коллег, членов и кандидатов в члены Союза писателей России, членов Литфонда России, родившихся в ноябре-декабре, в преддверии долгой зимы:

Геннадия Семёновича Колесова (04.11.1946 г.);
Марину Юрьевну Ганзенко (05.11.1991 г.);
Наталью Яковлевну Воронину (09.11.1955 г.);
Михаила Павловича Астапенко (17.11.1951 г.);
Элину Станиславовну Слотову (20.11.1998 г.) – с 25-летием!
Павла Георгиевича Малова (01.12.1957 г.).
Валентину Анатольевну Курмакаеву (03.12.1953 г.) – с 70-летием!
Игоря Николаевича Кудрявцева (23.12.1944 г.);
Тамару Александровну Иванченко (28.12.1950 г.).
Зинаиду Николаевну Зинченко (29.12.1952 г.).

Желаем бодрящей ясной погоды, доброго настроения в ожидании новогодних праздников, творческого вдохновения!

«Чем удивит лихое время»

Клавдия Павленко

* * *

Бредёт озябшею собакой,
гнетёт бесснежьем зимним
слякоть.
С рябины лист сухой
смахнула,
в окно бесстыже заглянула…
Весь мир озяб, большой
и сонный.
И сойки зябнут, и вороны, –
не ждут ни семечек,
ни крошек
и гонят прочь бездомных
кошек.
Всем слякоть – вот как
надоела…
Но утром – всё заиндевело!
Упал пунктиром колкий иней.
Мир стал недолгой сказкой
зимней…

* * *

За окнами петарды стихли
на год ли будущий,
на миг ли.
До блеска вымыты тарелки.
Помчались стрелки!..

Чем удивит лихое время, –
остудит ли, опалит
темя…
Вернёт былое, доразрушит…
Иссушит души…

А может, сном дурным истает.
Ведь есть же истина
простая, –
не опровергли люди, вроде б, –
что «всё проходит»…

Алексей Сазонов

* * *

Покружилась метелица шалая,
Перестала –
и с крыш потекло…
Приходила зима, да растаяла –
Поспешила, попала в тепло.

Утопай, пешеход,
в южной слякоти!
Бесполезны досада и злость:
Здесь зима – попрошайка
на паперти,
А мороз – не хозяин, а гость.

Ну, а если от холода, к вечеру,
Подрумянятся уши и нос, –
Всё в порядке! –
печалиться не к чему,
Не надолго зима, не всерьёз…

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Пузатая печка нагрела бока:
Багровые блики –
на полпотолка.

От лампы настольной
желтеющий круг...
Вне круга Василий,
собака и друг.

Сопит, как ребёнок,
изнеженный пёс,
Зажав между лапами
пуговку-нос.

В разгаре зима,
но приятно в углу
Валяться у печки,
на тёплом полу!

Работа собаке нужна,
как тюрьма;
Какие заботы, раз мало ума?!

Вон, в кресле, хозяин,
и в миске еда,
А в небе Венера, пастушья
звезда.

Но что ему эта Венера в окне?
Спокойствие в сердце...
душа в полусне...

Ольга Губарева

ТАКАЯ ПОГОДА

День, от снега оробелый,
Сочным яблоком пропах.
Как невесты в платьях белых, –
Хаты в белых кружевах.

Заметелило дороги,
Каждый кустик и порог.
По колено вязнут ноги,
Да, вообще, не вынуть ног!

Все от снега ошалели:
Сыплет, нет ему конца.
Каждый дом, как в вате белой,
От фронтона до крыльца.

Кажется, такому чуду
Длиться, длиться…
целый год…
А наутро встали люди,
Глядь – а в окнах дождик льёт.

Наталья Воронина

УТРО ЯНВАРЯ

Утро выбелено снегом,
подрумянено зарёй;
свежим ветром, первым следом
утро встретилось со мной.

Я свой след оставлю тоже
непохожестью шагов;
ровный снег, на лист похожий,
днём исчерчен будет вновь.

Лягут новые тропинки,
поистопчется земля;
разве можно без заминки
прочертить свой круг не зря?

Вот и солнце – мой попутчик
в светлом поиске пути;
как бы мне счастливый случай
невзначай не обойти?!

НОВОГОДНИЙ СВЕТ

Какие сбудутся сюжеты,
Кто угадает нужный код? –
Всё впереди! Ах, как он светит,
Как неизвестным манит год!

И мы готовы, словно в детстве,
Поверить в ночи волшебство,
У ёлки в стужу отогреться,
Друг друга чувствуя родство.

Дарить и радость, и объятья,
Крепить, где тонко,
жизни вязь!..
Раз говорят –
все люди – братья,
О лучшем помнить
в добрый час!

Не зря в сердцах
не гаснут свечи
Во имя мира и любви,
Попросим путь земной полегче
У неба – пусть благословит!

Метель – она не бесконечна, –
Снежинки лягут в кружева;
А Новый год поёт о вечном,
И счастья звёздочка жива!

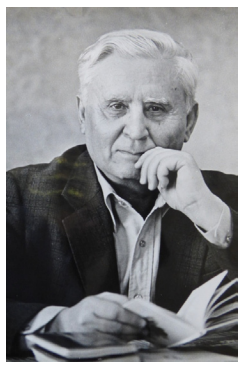
Татьяна Волокитина

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ВЕЧЕР

Звезда надо мною.
Веков мановенье.
Окутана тайной
Земля в полусне.
Родился Младенец
Небесный под сенью
Олив Вифлеемских
в ночной тишине.
Когда-то...
А кажется будто сегодня,
Так греет тот ангельский свет
нам сердца,
Над всей суетой
человечьей приподнят
Великой и чистой
любовью Творца.

В номере:

С наступающим Новым 2024 годом!
Поздравления;
«Чем удивит лихое время»
Стихи;
Стр. 1
ПАМЯТЬ
А.В. Калинин – Отрывок из рассказа «Братья».
Стр. 2
Вячеслав Зименко
«Перелистывая страницы…»
Аналитический обзор «Юбилейного сборника избранных литературных произведений членов РРО СПР»
Новогодняя анкета.
Стр. 3
Победители конкурса «Сто лет творчества» («Степные всполохи-9»):
Произведения-призёры
номинация «Поэзия»2 место;
номинация «Проза», 2 место;
Семинарский конкурс
Объявление.
Стр. 4
Тамара Иванченко
«Шторм».Рассказ;
Творчество молодых. Стихи
Стр. 5
К юбилею поэта
Валентина Курмакаева
«Они лишь крупицы соли…»
Стихи;
Геннадий Колесов
«Родня». Рассказ;
Виктор Вирченко.
«Невероятное везение»
Юмореска.
Стр. 6
У нас в гостях ВЛС
Стр. 7-8



Отрывок из рассказа
АНАТОЛИЯ КАЛИНИНА
«БРАТЬЯ»

Каждый вечер агроном Иван Степанович Кольцов шёл двенадцать километров из станицы Крутоярской, где он работал пчеловодом, домой, в станицу Тереховскую, где он жил с женой и сыном.

Два конца в день по двенадцать километров было для его возраста многовато. Конечно, проще было продать в Тереховской и купить в Крутоярской дом, но переселяться из родной станицы ему не хотелось. Здесь он прожил свою жизнь, здесь и сын его пошёл в школу, привык к учителям, к товарищам. И сама станица — весёлая, в абрикосовых садах — нравилась ему больше. Тереховские казачки издавна приучились красить свои домики в яркие цвета: голубой, оранжевый, светло-зелёный. Каждая улица имела свой цвет: голубая, оранжевая, зелёная. Это нравилось Ивану Степановичу. И весной в зацветающих абрикосовых садах его пчёлы брали хороший взяток.

……

Иван Степанович решил зайти по дороге к брату, несмотря на то, что последнее время каждая их встреча неизменно заканчивалась ссорой. Третий год брат работал в хуторе Вербном на колхозной пасеке. За это время он и жена построили дом, купили корову, завели свиней и кур. Белка и Галка наплодили им целое стадо коз, из-за которых у Елены были постоянные неприятности с соседями. Козы забредали во дворы, объедали виноградные лозы и капусту на грядках. Брат обживался на новом месте и уже говорил при встречах Ивану Степановичу, что с такими людьми, как в колхозе, никогда не будет порядка: один в горячее время тяпает у себя на огороде, другая поехала на базар, а председатель запойно пьёт горькую.

— Совсем другое дело в городе, — говорил брат, — там народ сознательный, организованный.

Он уже забыл, как его жена торговала в городе на базаре детскими рукавичками. Колхоз действительно был не из крепких, и те болезни, о которых говорил брат, у колхоза были. Но почему-то Ивану Степановичу было неприятно слышать об этом из уст брата. Пора бы ему уже перестать чувствовать себя в колхозе гостем. Иван Степанович никогда не решился бы упрекнуть других в том, что у них нехорошо, если бы знал, что у самого плохо.

У брата на пасеке было не все благополучно. Два года подряд пчелы не приносили колхозу ни капли мёду и даже уходили в зиму с подкормкой. Правда, так совпало, что оба последних года были для пчеловодства неурожайными. Или всё лето стояла сушь, и цветы почти не выделяли нектар, или из-за дождей нельзя было летать пчёлам. Но можно было понять и тех людей в колхозе, которые начинали относиться к брату с колючей презрительностью, если не враждебно.

Как бы ни шли дела на пасеке, трудодни брату записывались аккуратно, и вот уже две осени он получал на них зерно из кладовой колхоза. Но самое плохое было не в этом. В конце концов, может быть и так, что сегодня больше повезло одному, а завтра — другому. Плохое было в том, что брата это нисколько не смущало, он, видимо, считал, что так и должно быть. И он продолжал ругать и называть бездельниками тех самых людей, которые заработали для него зерно и деньги, чтобы он мог построить себе хату и купить корову.

Не оправдались и надежды Ивана Степановича на то, что брат поживёт в колхозе, освоится на пасеке, а потом и ему поможет в его деле.

Последнее время Иван Степанович уже перестал думать о том, чтобы ему помог брат, и думал только о том, как поправить дела на пасеке у брата. Нестерпимо неловко становилось перед людьми, которые уважали Ивана Степановича и ни слова не сказали против, когда он привёз в колхоз пасечником своего брата. Выходило, что Иван Степанович воспользовался их уважением им же во вред.

И с каждым разом ему всё труднее было заставить себя зайти по дороге к брату. Но сегодня этого нельзя было избежать. Надо было проверить, перебросил ли брат пасеку за реку, на луг. Брат обещал сделать это ещё неделю назад, но Иван Степанович не мог поручиться, что он сдержал своё слово.

……

У дома брата Иван Степанович встретил старуху, мать Елены.

— Куда вы, Семёновна, в это время? — удивился он, заметив, что она держит в руке узелок и одета не по-летнему: в стёганую кофту, тёплые чулки с калошами и полушалок.

— На луг, улья сторожить, — ответила она неохотно.

Иван Степанович увидел, что лицо у неё сумрачное и глаза укоряющие. Она хотела тут же пройти мимо, но он задержал её в калитке.

— Опять, Семёновна, плохо? — спросил он, показывал глазами на окна дома и понижая голос.

— Нет, уже помирились, — сказала она и вдруг всхлипнула. — Теперь опять я буду виновата.

И, оглядываясь на окна, в которых горел свет, она рассказала Ивану Степановичу, что на этот раз Елена совсем было разошлась с его братом. Она уже наняла на стороне и квартиру, а потом они полезли делить ссыпанную на полатях пшеницу, вспомнили там, как всё это вместе наживали, и там же, на куче зерна, помирились. Слезли с полатей притихшие, и теперь в доме всё пока спокойно до нового скандала.

— Вы, Иван Степанович, только ему не скажите, а то мне совсем… — Старуха снова всхлипнула и, не договорив, пошла вниз по улице к переправе.

Брат в синей новой косоворотке с белыми пуговицами лежал на кровати. На грудь ему вспрыгнул чёрный, с куцым белым хвостиком козлёнок. Приподнимая голову от подушки, брат учил козлёнка бодаться. Должно быть, старые козы Белка и Галка недавно окотились: в доме было четверо или пятеро белых и чёрных козлят. Отовсюду мерцали их зелёные бесовские глаза с торчмя поставленными зрачками.

Елена сидела в углу на сундуке, вязала брату носки из козьей шерсти.

— Ага, пришёл, — встретил брат Ивана Степановича, спуская козлёнка на пол, встал с кровати. — Здравствуй! А у нас на ферме опять свиноматка пала.

— Ты говоришь это так, будто для меня приберегал эту новость, — сказал Иван Степанович.

Они взглянули друг на друга, и между ними, как между двумя электрическими полюсами, с первой же секунды проскочила искра, которая могла потом дать вспышку. Но, зная себя, Иван Степанович решил на этот раз сдержаться и поговорить с братом по-хорошему.

Елена собрала на стол, достала из шкафа бутылку с виноградным вином и снова ушла к себе в угол, склонилась над вязаньем, поглядывая оттуда на братьев своими наивными, чем-то удивлёнными глазами. Иван Степанович и раньше замечал, что она в дни раздоров в семье как-то жалко хорошела. В такие дни ему чудился в её глазах скрытый упрёк. И он ощущал какую-то и свою вину перед Еленой.

Братья сели за стол друг против друга, выпили по стакану вина. Кисленькое и совсем слабое, оно слегка отдавало уксусом.

— Что-то я во дворе не заметил твоих ульев? — спросил Иван Степанович у брата.

— Они там! — Брат махнул рукой.

— На лугу?

— Уже две недели, как мы их с Еленой перевезли. У Золотого озера поставили. Старуха сторожует.

— Маму там комары заели, — вставила из своего угла Елена.

— Не съедят, — не оборачиваясь, бросил через плечо брат. — У старых кожа не то что у нас.

— Как-то странно, — закипая глухим раздражением, но сдерживаясь, сказал Иван Степанович, — свои ты перевёз, а колхозные на бугре стоят. Пчелы должны за семь вёрст за взятком летать.

— Ничего странного не вижу, — сухо ответил брат, и глаза у него блеснули. — Шесть ульев и шестьдесят — большая разница. Не напросишься машины их с места на место перевозить. Это же кол-хоз.

— Скажи, Степан, за что тебя не любят люди в колхозе? — устало спросил Иван Степанович.

Он почувствовал, как при этом вопросе Елена вдруг сверкнула на них из угла острым, пронзительным взглядом и опять низко склонила над вязаньем голову.

— Каждому не будешь хорош. Ты скажи: кто? — Брат прищурился.

— Каждому — это да, — согласился Иван Степанович. Он и сам знал, что в жизни нельзя быть со всеми хорошим. И не это он имел в виду, спрашивая брата.

— Ты точно скажи: кто? — настаивал брат.

— Например, Дарья.

— Дарья? — поднял плечо брат, и на секунду на его лице отразилось искреннее недоумение. Но он тут же нашёлся: — Дарья пусть лучше меньше перед председателем юбкой машет.

— Ты же знаешь, Степан, что это брехня, — тихо сказал Иван Степанович.

— Всё знаю! — ожесточаясь, подхватил брат. — Я знаю, почему и ты зачастил к ней в бригаду.

— Степан! — ещё тише сказал Иван Степанович. Но брата уже нельзя было остановить.

— Все они тут бездельники и жулики, — говорил он, перегибаясь через стол и приближая лицо к Ивану Степановичу. — Одним словом, колхоз. Ты понимаешь русский язык: колхоз.

Это слово он произносил теперь так же презрительно и чуть в нос, как в своё время слово «город». И о людях брат отзывался так, будто до него они здесь ничего не сделали. Будто это не они построили здесь колхоз, засадили эти бугры виноградными лозами, а потом, когда лозы пожгли и потоптали фашистские танки, подняли сады из золы, отходили и опять стали жить в колхозе.

Иван Степанович вспомнил женщин, устало идущих по берегу из садов с тяпками на плечах, Дарью, которая вырастила без мужа четверых детей и опять в садах поёт песни. В том, как брат говорил о колхозе, Ивану Степановичу слышалось надругательство и над ними. Он уже не мог больше сдерживаться.

— Я тебя, Степан, отстраняю от пасеки, — сказал Иван Степанович.

— Ты? — с недоверием посмотрел на него брат.

— Я, — подтвердил Иван Степанович.

Они оба встали за столом и смотрели друг на друга тяжёлыми взглядами.

— Ну, это мы ещё посмотрим, — приходя в себя после первой растерянности и поднимая вверх правое плечо, сказал брат. — Я к тебе в работники не нанимался. Как общее собрание решит. Это колхоз.

Вот когда он вспомнил о колхозе не так, как он вспоминал всегда, и выговорил это слово не врастяжку, а твёрдо и чётко. И от этого он стал ещё более неприятен Ивану Степановичу.

— Сдашь пасеку, а собрание потом утвердит. Ну и вот, — неожиданно заключил он так, как обычно говорил брат.

НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

65 лет со дня рождения Квиткина Александра Ивановича – поэта, члена СП России с 2017 года. (15.11.1958 – 3.02.2020). Родился в сл. Кашары Ростовской области, из казаков. Окончив Ростовский-на-Дону педагогический институт, работал в Кашарском сельском Совете секретарём и зам. председателя, заместителем Главы Администрации Кашарского района.

Писать стихи Квиткин А.И. начал ещё в школе в середине 70-х годов прошлого века. Его первая книга была издана в г. Саратове – «Стихи. Исторические очерки. Малые исторические зарисовки» (2008 г.), затем вышли ещё 4 сборника стихов в издательстве «Донской писатель» г. Ростова-на-Дону, являлся также соавтором альманаха «Кашарский район: События и люди. 90 лет» (2014 г.). Некоторые произведения переведены на аварский и турецкий языки.

70 лет со дня рождения Кнарик Саркисовны Хартавакян – поэта, переводчика, публициста, члена СП России с 2011 г. (19.12.1953 – 7.10.2019). Родилась в селе Чалтырь Мясниковского района Ростовской области. В 1975-ом окончила факультет русского языка и литературы РГПИ. Работала учителем, библиотекарем, корректором, корреспондентом, сотрудником Историко-этнографического музея и Дома культуры на малой родине. Автор четырёх книг стихов и переводов с армянского – «Мы из древнего города Ани», «О, первый снег!..», «Армянские святые письмена», «На рубеже стремительных столетий». Печаталась в периодике России, Армении, Республики Крым, в коллективных сборниках и альманахах, выпускаемых в регионе. Донские композиторы сочинили немало песен на стихи (в т. ч. переводы) К. Хартавакян.

Страницу подготовил Вадим Селин

Перелистывая страницы…

Вячеслав Зименко
г. Калининград

Впечатления от юбилейного Сборника произведений Ростовских писателей

В предисловии к юбилейному Сборнику председатель СПР Николай Иванов справедливо заметил, что 100 лет – это дата, при которой никому ничего доказывать уже не нужно. Потенциал донских писателей, их думы и устремления явственно просматриваются в этом издании. Не случайно объёмная (в 367 страниц семидесяти восьми соавторов) книга начинается творческим обращением таких Мастеров слова, как Игорь Кудрявцев, Василий Воронов, Геннадий Селигенин и Виктор Шостко. Это писатели, вступившие в Союз ещё при СССР. Их высокохудожественные и социально значимые произведения без преувеличения можно назвать кладовой национальной культуры. Для анализа творчества членов ростовского отделения Союза, потребуется написать отдельную книгу, а рамки этой статьи (увы) не позволяют этого сделать, как не позволяют коснуться творчества всех соавторов Сборника (за что я заранее приношу извинения «забытым» писателям). Поэтому, давайте посмотрим вошедшее в Сборник «по диагонали».

Забегая вперёд сразу можно отметить такую тоскливую тенденцию: отсутствие юмора, дефицит позитива, фантастики и лёгкости. Да, глубинная, корневая проза и проникновенная поэзия – это базис русской литературы, и в итоговом Сборнике негоже нарушать традицию. Но, (это моё личное мнение, возможно, оно – ошибочно) от весёлых произведений книга только бы выиграла! В этом нет вины составителей. Это отпечаток времени; такое теперь настроение у писателей.

Что же показалось значимым (главным) в работах патриархов донской литературы и пришедшей в отделение талантливой молодёжи?

Уходит ночь. Пора зари настала.
Синеют дали. Слышу поступь дня.
Я ненавижу тьму – как это мало
Для света, но как много для меня…

В приведённых строках Кудрявцева мы видим облагораживающую силу духовной стойкости человека перед лицом вечности. Игорь Николаевич верен себе и в стихах постоянно пытается ответить на вопросы о цели и значении личной жизни, рассматривая их в религиозно-философской системе координат.

Кудрявцеву вторит Воронов:

Как-то ночью долго не спалось. Я вышел во двор, походил босиком по траве. Воровски поблёскивал осколок месяца, звёзды щурились. Сады тихо дышали. Хутор залила благодать Божья. И тут я увидел Гену… Он стоял на коленях, задрав голову в небо, и говорил нараспев, вроде молитву читал. От голоса, от подвыва становилось как-то не по себе.

В этом отрывке из миниатюры Василия Афанасьевича соседствуют красота земного бытия и печаль человеческого страдания. У героя повествования неразвитый ум и детская душа. Согласно официальной трактовке «блаженный» (юродивый, глуповатый) должен быть в высшей степени счастливым существом. Однако в данном случае всё не так! Гена мечтает, страдает от ощущения постигшего его предательства, гневается… Драма!

Высокий стиль и всепроникающая ирония передают чувство горечи Шостко от жизни страны на крутом перепутье.

Что за народ на великой равнине
Жизнь проклинает в тоске и рванине,
Слёзы мотает на крепкий кулак,
Горькую пьёт, не напьётся никак.

***

С верой в авось, отрекаясь от рая,
Он выбирает, не выбирая,
Бога и чёрта, триумф и забвенье
И на века, и на мгновенье.

Чёрствость, дефицит внимания, добра, ласки и любви человека к «братьям нашим меньшим» вопиют в рассказе Алексея Берегового «Игрушка». Маленькая, брошенная кем-то собачка, не понимает: почему всё так?

Она не любила быть одной. Она не могла быть ненужной… Так где же оно счастье? Почему так быстро пропало? Ведь от него всем бывает хорошо. Так зачем же менять хорошо на плохо? Она ничего не понимала…Все куда-то ушли и вот теперь она стоит здесь одна и мелко-мелко дрожит. От холода. От обиды. От пустоты… Позванивала застекленевшая пожухлая трава под ногами, со скрипом постанывали тонкие деревья в объятиях безжалостного ветра, на дороге битыми зеркалами валялись застывшие лужицы. И тишина, тяжёлая, плотная, висела над спиной, давила, пригибала к земле.

И всё же в Сборнике собраны разноплановые произведения, и читатель найдёт здесь всё, чем велико искусство. Щедрость воображения удивляет в рассказах Анастасии Кривохижиной и Марины Ганзенко. Блеск остроумия присущ рассказу Натальи Литвяковой. Зрелость размышлений о человеческой жизни поражает в произведениях Виктора Вирченко, Александра Кравченко, Елены Натальченко, Григория Рычнева. Волнение запечатлённого чувства и глубина содержания слышится в стихах Дмитрия Ханина, Бориса Старикова, Алексея Сазонова. Полная драматизма романтическая история Алексея Глазунова заставляет вспомнить, что его герои всегда мечтают, иногда ненавидят и обязательно любят без оглядки.

В аналитической статье «У времени в плену» Людмила Малюкова препарирует «биографию» Ростовской писательской организации, хронологически последовательно показывает её внутреннюю жизнь и внешние, формировавшие литературную атмосферу Дона факторы. Начав повествование пророчеством А. Ахматовой *«Всего прочнее на земле печаль и долговечней царственное слово»*, в конце статьи она выражает надежду на лучшее и призывает нас поверить в способность времени «всё расставить по своим местам».

Брянский писатель и журналист Виктор Кирюшин на страницах сайта «Российский писатель» дал такую оценку творчеству Виктории Можаевой: «Глубокая, умная и высокая поэзия. Здесь и душа, и материнская боль, и жертвенность, и ясная гражданская позиция».

Запеклись в душе слова, как на ране,
И не сплю до петухов я до третьих…
Дай мне, Боже, выносить с поля брани
Во единый лазарет тех и этих.
Чтобы свечи в лазарете горели,
Чтобы стражники стояли крылаты,
Чтоб в глаза они друг другу смотрели,
Заключённые в пространство палаты.

Думается, что добавить здесь нечего.

Сильная, но грустная, с горечью (какая-то прощальная) получилась подборка стихов у Клавдии Павленко. И всё же, в глубине души она надеется на лучшее!

Я была!
Ну что же вы, ну, вспомните!
Разве память так уж коротка?!
Здесь жила я, в этой самой комнате,
под окном мой след от каблука…
Что же вы!
Неужто, лишь забвение
тянется всегда за каждым вслед…
Просто помолчите вы мгновение…
Вспомните меня, которой нет…

***

Сгорает жизнь
в костре земных реалий,
и саднит ран невидимых ожог…
Мои стихи – хранилища печалей, –
по ней своеобразный некролог.

***

Сосед мой – желтоликий, одинокий,
скрипучий и слепой почти фонарь –
взирает сверху вниз на мир жестокий.
Ему – едино всё: январь, февраль…
Вот только бы – не ветер оголтелый,
Не сушь и не снега… и не дожди…
Вот только б,
потерявшись в мире целом, –
увидеть свет надежды впереди…

Повторюсь и процитирую самого себя («Донской писатель» №7-9, 2020): «Пытаясь уйти от банальности, заурядности и обыденности Владимир Шевченко частенько попадает в плен эксцентричности…». Вот и в Сборнике у него девушка без лица, трёхцветная радуга, фиолетовые овцы, виноцветное море, красное небо и жёлтые глаза у киноактрис. Однако в целом рисунок рассказа сложился удачно. Получилось призрачное, но интересное произведение.

Жизненные истории Людмилы Хлыстовой всегда поучительны (в них нет сентенций, но есть мораль) и часто наполнены «грустью-печалью». Рассказ «Эксперимент» заканчивается хорошо, но заставляет читателя понервничать и задуматься.

Хочется спеть асанну и произведениям кандидатов в Союз. Как заметил А. Блок: «Писатель – растение многолетнее». Конечно, кандидаты будут расти и совершенствоваться. Но уже теперь можно с уверенностью заявить, что в Сборник «вошли» вполне зрелые работы и по построению сюжетной линии, и по драматургии, и, главное – по уровню художественного изложения…

У Валентина Гафта есть грустное, обличающее нашу «айтишную» действительность стихотворение (приведу только его начало):

В шкафу угрюмом, в тихом зале
На полках книги умирали…
Нет, не плохими они были,
А просто люди их забыли.
Забившись в «интернета» дали,
Их просто больше не читали…

Давайте верить, что нашему юбилейному Сборнику достанется другая судьба!

PS Экземпляр Сборника подарен Балтийскому Федеральному университету имени И. Канта для изучения в рамках учебной дисциплины «Современная русская литература» студентами направлений подготовки «Филология», «Русский язык и литература» (лингвисты, филологи, журналисты, культурологи).

Уважаемые писатели и читатели!

В преддверии Нового 2024 года и нового этапа деятельности Ростовской писательской организации (после празднования 100-летия со дня основания и перед очередным годовым общим собранием РРО СПР) предлагаем ответить на вопросы АНКЕТЫ.

1. На каком уровне творческой активности Вы встречаете приближающийся год?
2. Чувствуете Вы единение с писательским сообществом или предпочитаете держаться в стороне от предлагаемых Правлением мероприятий?
   а) неинтересно;
   б) нет времени;
   в) участвую с удовольствием;
   г) надо чаще проводить творческие встречи.
3. Устраивает Вас уровень публикаций в газете «Донской писатель», и что на Ваш взгляд привнести, чтобы газета стала интереснее?
4. Предложите новую рубрику для газеты, которая обогатит содержание и вызовет интерес читателей.
5. Есть ли у Вас идеи по улучшению работы Правления? Какие?
6. Как Вы оцениваете деятельность «Молодёжной секции» Ростовского отделения Союза писателей России?
7. Какие важные творческие проекты могли бы вывести деятельность организации на более высокий значимый уровень? Ваши предложения.

Редакция г. «Донской писатель» искренне поздравляет Вас с наступающим Новым годом и желает здоровья, уверенности в стабильном будущем, интересных творческих задумок, мира во всеобъемлющем значении этого слова!

Победители конкурса «Сто лет творчества» («Степные всполохи-9»):

Ольга Филиппова
г. Каменск-Шахтинский
2 место в номинации «Поэзия»

АВГУСТ ПОЗДНИЙ

Был намедни клевер скошен,
колесо в телеге шаткой
отвалилось. У окошек
бродит рыжая лошадка.

Фыркнув, втягивают ноздри
спелых яблок ароматы.
Кажется, что август поздний
нескончаем. Мы и рады.

Гладим завитушки гривы,
лепим солнечные нимбы.
Не были бы руки кривы,
ось к полудню починил бы.

И с судьбой сумел бы сладить,
и напрасно б не винили.
Казаком был справным прадед.
Жаль, но времена иные.

Всё впустую. Врозь и хором
о пути перезабытом
не толкуйте. Осень скоро.
То ли лошадь бьёт копытом,

то ли яблоко упало,
прокатилось гулким эхом.
То ли ты вздохнул устало,
никуда решив не ехать.

Наталья Скрипова
г. Волгодонск
2 место в номинации «Поэзия»

ДОНСКОЕ ЛЕТО

Проявилось, как на фотоснимке,
Утро: те же улицы, дома.
Лето пробежало половинку.
Скоро осень к нам придёт сама.

В ранец меж тетрадок школьных бросит
Жёлтый и такой внезапный лист,
Гроздь рябины, сентябринок россыпь…
Будет мир прозрачен и душист.

Напоён осеннею прохладой,
Свежестью дождя, дымком костров.
Только лето доцветает рядом,
А в душе – до самых холодов!

Нет, не все ещё пропеты песни,
И гитары не чехлим пока.
Лето! Что же может быть чудесней:
Встречи бардов, свежая уха,

Краткий сон в брезентовой палатке,
Рокот волн, походный чая вкус,
И пронзительно, щемяще-сладкий
Наш донской в полосочку арбуз…

Не спеши во двор, бродяга-осень,
Летом дай напиться, подышать,
Запрокинув кудри в неба просинь,
Счастья миг в ладонях подержать.

Ну а после – ты себе хозяйка:
Где поманишь мёдом, где взгрустнёшь,
Пустишь в окна солнечного зайку…
Только лета этим не вернёшь.

КОНКУРС СЕМИНАРА

Для участников семинара объявлен конкурс, по итогам которого будет осуществлён приём победителей в члены союза писателей России и в кандидаты в СПР.

Конкурс проводится в несколько этапов.

Необходимо прислать поэтическую подборку в количестве 10 авторских произведений на почту Волошина С.А. или одно прозаическое либо публицистическое произведение малой формы на почту Шевченко В.В. (Моржа).

Кроме членов семинара подать заявку на участие в конкурсе могут все желающие литераторы Ростовской области. Заявка в свободной форме на имя правления РРО и краткая творческая справка о себе подаются вместе с авторскими произведениями.

Работы участников конкурса, не посещающих семинар, присылать на konkurs_rrospr@mail.ru

(Подробные условия конкурса читать на сайте «Донской писатель»)

Наталья Холодова
г. Ростов-на-Дону
2 место в номинации «Проза»

МОЯ ЧУЖАЯ ДОЧКА

Старая женщина молча стояла у стены. Она смотрела в приоткрытую дверь напротив, откуда раздавался довольно громкий, как будто нервный стук ногтей по клавиатуре. Перед монитором, спиной к двери, сидела женщина средних лет. Глядя на её плечи, явно выделявшиеся на фоне всего остального тела, и на красивый рельеф мускулатуры рук, сразу было понятно, что фитнес — одно из её любимых занятий. Женщина сидела неровно, подогнув под себя одну ногу. Периодически вертясь в кресле, она брала то книгу, то ручку, то какой-то листок. Иногда поворачивалась боком. И тогда был виден её грубоватый, но в целом красивый профиль: нос с небольшой горбинкой, припухшие аккуратные губы, круглые щеки с небольшими ямочками. Ресницы, заботливо сделанные искусным мастером, порхали, как тропические бабочки. Непокорная чёлка периодически вмешивалась в творческий процесс. Женщине приходилось её время от времени смахивать со лба.

— Полинка… — еле слышно сказала старая женщина.

Дочь не просто выросла. Она превратилась в зрелую женщину. И мать как-то не задумывалась над этим. Более того, она вообще мало думала о дочери – жила своей жизнью, общалась с подругами-ровесницами. Дочь была вроде рядом, ведь жили вместе, и в тоже время далеко.

Всё изменилось три дня назад.

— Света, Света! А ты видела, что твою Полинку по Первому каналу показывают!?

Словоохотливая соседка, по мнению Светланы Ивановны, слишком простая и довольно бестактная особа, кричала ей из-за забора.

— Что?

— Иди телек включи на Первом!

Светлана Ивановна вошла в дом, поднялась на второй этаж, включила телевизор.

Как раз в это время бодрый голос корреспондента спросил:

— Уважаемая Полина Валентиновна! Вы, как знаменитый эксперт, мастер своего дела, расскажите, пожалуйста про вашу уникальную методику. Как с помощью медитации, нетрадиционной медицины можно кардинально улучшить собственное здоровье и выглядеть, и чувствовать себя лет на двадцать моложе?

Красивая стройная женщина или даже, скорее, девушка (мать сразу не узнала Полинку) спокойным уверенным голосом стала рассказывать какую-то теорию, в которой больше половины терминов мать не поняла. Идеально подобранный по фигуре бело-розовый костюм, дорогие украшения (дочка всегда любила золото и камни) настолько удачно гармонировали с цветом смуглой кожи, чёрными волосами и ярко накрашенными губами, что мать засмотрелась, как будто увидела Полинку впервые. Она видела её дома почти постоянно.

Дочка работала онлайн из своего домашнего кабинета. Отлучалась из дома нечасто — в спортзал, магазин, ещё куда-нибудь. Мать привыкла к её отрезанным рваным шортам и растянутой майке. А тут…

«Моя чужая дочка…» — сорвалось у Светланы Ивановны. Она испугалась этих слов. За словами стояло что-то ещё… Очень важное…

Прошло три дня. Дома Полинка была такая же, как обычно. А вот в сознании матери что-то поменялось.

Очнувшись от воспоминаний, Светлана Ивановна увидела, что Полинка встаёт со своего кресла, явно собираясь выйти из кабинета. Мать быстро зашла к себе в комнату, но от двери не отходила. Было слышно, как дочь проследовала в ванную. Затем до Светланы донёсся голос зятя — супруги разговаривали в своей спальне. Муж сильно отличался от Полинки. Они не всегда находили общий язык. Иногда Полинка грубо отвечала ему, но видно было, что она любила этого человека.

Мать тихонько зашла в Полинкин кабинет. Потрогала мышку на столе. Экран загорелся. Полинка не выключила компьютер. Светлана Ивановна раньше не читала то, что пишет дочь. Но теперь она настолько захотела это сделать, что удержаться просто не смогла.

Нет ничего тоскливей одиночества –
когда на два замка закрыта дверь,
а выйти за неё уж очень хочется!
Нет ничего тоскливее, поверь!

Строки струились, как журчащие ручейки. Текст читался легко:

«Люди разделились на два поколения: живущие в 21 веке и в 20-м. Не так как раньше: дети, родители, бабушки и дедушки… А всего на два…

Кто-то живёт в 21 веке. А кто-то продолжает оставаться там — в 20-м.

И пропасть между ними становится всё больше и больше.

А так хочется, чтобы она уменьшилась. Чтобы мать встала с дивана, оторвалась от своего телефона и любимой подружки и спросила: “Как у тебя дела, доченька? О чем ты сегодня написала статью? Сколько подписчиков у тебя на Дзене?” И услышав ответ, воскликнула (только обязательно искренне!): “О, ничего себе! Вот это здорово! Ты у меня такая умница!” А потом просто обняла и всё…

Но нет. Люди как острова. И расстояния между ними все больше и больше…»

На душе у Светланы Ивановны стало как-то нехорошо. Она не стала читать дальше статью…

В голове вертелось: «Нет ничего тоскливей одиночества…»

Какого ещё одиночества? Чего ей не хватает? Дом, машина, муж, дети выросли. Вся упакована!

Моя чужая дочка… снова подумалось ей. Она вышла из этой странной комнаты с холодным монитором, непонятной работой по скайпу и чуждыми статьями, видео и интервью. Подумала, что быть блогером несерьёзное занятие…

Вернулась в свою комнату и легла спать.

«Завтра Ирине надо позвонить, обсудить, как там они ремонт сделали или нет…» — напоследок подумалось ей, и она уснула…

Тамара Иванченко
Пос. Небуг Туапсинского р-на Краснодарского кр.

ШТОРМ
Рассказ

Посвящается офицерам, солдатам, матросам и кораблям, погибшим 30 мая 1838 года в водах Чёрного моря у туапсинских берегов.

Нам нужны такие корабли на море,
Чтобы мы могли
с любой волной поспорить.
Маяки нужны и нужен нам локатор,
А ещё нам верные нужны ребята. …
Гимн Военно-Морского Флота

Стоял ясный майский день. Приморский город Туапсе совсем недавно зазеленел молодой свежей листвой, ещё не запылённой и не обгоревшей под жарким южным солнцем.

Школьный двор весь залит золотыми лучами, которые бликами вспыхивали в оконных стёклах, отражались и тонули в зелёном кружеве тополей, плотным кольцом обступивших здание школы и двор.

Вслед за учениками во двор вышел классный руководитель шестого «А» Глеб Юрьевич, молодой учитель математики. Ученики обожали его за весёлый характер, за сухощавую, крепкую и мускулистую фигуру, а ещё за добрую и светлую улыбку. Ребята обступили своего любимого учителя, а он посмотрел на них большими карими глазами, улыбнулся и сказал:

— Вот и всё, ребята, учебный год закончился. Теперь встретимся первого сентября, а летом купайтесь, загорайте, но не забывайте читать книжки.

— Глеб Юрьевич, давайте пойдём в поход? Нет, лучше отправимся в плавание на корабле, — наперебой загалдели ребята.

— Ну что ж, в плавание на корабле мы не пойдём, а вот посидеть около костра на берегу моря, испечь в углях картошку, а ещё полюбоваться закатом и послушать прибой — это можно. Тем более для этого есть очень подходящий повод.

Вечером 30 мая, изрядно уставшие от беготни и хлопот по устройству бивуака, наевшись печёной картошки и домашних припасов, принесённых с собой, ребята тесным кружком расположились вокруг костра. Сушняк заготовили заранее, ещё днём, чтобы надолго хватило.

Стоял удивительно тихий вечер. Где-то далеко-далеко за синим горизонтом солнце уже погасило свои последние багровые лучи в холодных майских водах Чёрного моря.

Лёгкий морской бриз обдувал ещё не выгоревшие под солнцем вихры на головах мальчишек и ещё жарче раздувал костёр, языки пламени которого поднимались ввысь, рассыпались там на яркие искры и гасли в тёмном пространстве.

В наступившей вечерней тишине был отчётливо слышен шум прибоя, когда подкатившаяся по мелководью волна ударяется о прибрежные камни и, отступая в море, шуршит галькой, увлекая её за собой.

Ребята удобно расселись в ожидании рассказа учителя.

Глеб Юрьевич молчал и долго смотрел в сине-чёрную даль моря, будто что-то хотел там увидеть.

— А знаете ли вы, ребята, что произошло в далёком 1838 году в водах Чёрного моря около туапсинских берегов? — спросил учитель и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Города Туапсе, конечно, тогда ещё не было. В 1838 году на черноморский берег высадился десантный отряд численностью 14346 человек. И уже на другой день около реки Туапсе началось строительство Вельяминовского укрепления. Так когда-то зарождался наш любимый город.

Итак, 1838 год, 30 мая. На берегу полным ходом идёт строительство, а в море тринадцать судов стоят на рейде: бриг «Фемистокл», тендера «Луч» и «Скорый», пароход «Язон», транспортное средство «Ланжерон» и восемь купеческих судов.

Был обычный весенний день, ничем не предвещавший будущей трагедии. На берегу стучали топоры, а на море между судами и берегом сновали шлюпки и баркасы.

В 14 часов по воде неожиданно пошла зыбь, подул зюйд-вест, который был опасен для стоянки кораблей в этих местах. Ещё утром чистое небо теперь покрылось чёрными облаками. Средь бела дня наступили сумерки. Казалось, что тревога и опасность повисли в воздухе. И одни корабли спешно пошли в море, а другие отдали вторые якоря.

Ветер крепчал так быстро, что очень скоро разбушевался шторм страшной силы, поднимая волны у берега на 5-7 метров. К шторму добавились гроза и проливной дождь. Непогода пришла так неожиданно и стремительно, что корабли не успели уйти в море на безопасное расстояние от берега. Один за другим суда стали дрейфовать. Громадные волны с шумом и яростью ударялись о корпуса кораблей, поднимая высокие водяные столбы, которые обрушивались на палубу, сметая всё на своём пути.

Ветер усиливался, бушевала гроза. Дождь лил сплошной стеной. Моряки не успевали рубить мачты и те, не выдержав напора ветра, ломались и падали в пенистую, бурлящую воду. Стихия несла корабли на прибрежные скалы.

Ветер и волнение на море достигли такой силы, что некоторые корабли дрейфовали к берегу даже с невыбранными якорями. К тому же якорные канаты в те времена в основном изготавливались из пеньки, они были не прочными и, не выдержав напора воды, рвались. Огромные волны выбрасывали суда на берег, как щепки. Казалось, что море кипит и его страшный рёв сливался с обезумевшим ветром.

К вечеру все купеческие корабли были выброшены на сушу. К сожалению, не всем морякам удалось спастись. Такая же участь постигла и корабли «Ланжерон», «Скорый» и «Фемистокл».

— Глеб Юрьевич, неужели всё это было на самом деле? Как страшно-то.

Учитель прервал рассказ. Огонь почти догорел. Подбросили ветки в костёр; тот ярко вспыхнул, окрасив лица ребят в розоватый цвет, и отразился огоньками в их широко открытых глазах. В наступившей тишине было слышно потрескивание дров в костре, да тихие вздохи прибоя. Глеб Юрьевич улыбнулся, обвёл глазами тесно сидевших кружком детей.

— Ну, слушайте дальше. Да, всё так и было. Об этом мне рассказывал мой героический дед-капитан дальнего плавания, а ему рассказывал его дед. Так эта трагическая история дошла до меня. А сейчас я рассказываю её вам.— Учитель задумчиво посмотрел в сизую морскую даль, словно хотел что-то рассмотреть на горизонте, едва различимом в ночи. Помолчал и продолжил свой рассказ. — Разгул дикой стихии не прекращался и ночью. В яростном рёве моря тонули крики моряков о помощи. И суша, и море слились в один кромешный ад, в котором гремело море, грохотали небеса и летели стрелы молний, свет от которых выхватывал из темноты картины страшной трагедии.

Солдатам и матросам на берегу было невыносимо больно смотреть на тонущих товарищей, но они не в силах были помочь им. Казалось, что сама смерть смотрела на них из обезумевшей стихии. На суше пытались жечь костры, но проливной дождь тушил огонь, а ветер и волны готовы были унести смельчаков в море. И всё-таки солдаты и матросы, рискуя своей жизнью, сумели спасти многих, терпящих бедствие. Дольше всех на плаву удерживался пароход «Язон», но и он под напором шторма стал дрейфовать к берегу, натягивая якорные канаты. Вода залила топку, двигатель остановился, и пароход, как и все остальные суда, стал подвластным чудовищной буре. Свирепые волны прокатывались по палубе от носа до кормы. Спасением для моряков была грот-мачта. На огромных водяных валах пароход кренился то на один борт, то на другой. Моряки, сидевшие на грот-мачте в кромешной темноте и обдуваемые ледяным холодом, будто повисли над бездной в ожидании спасительного утра.

Рассвет 31 мая открыл ужасающие последствия шторма. Все тринадцать судов были выброшены на берег. Стихия унесла жизни более семидесяти офицеров, матросов и солдат, тела найденных с воинскими почестями были преданы земле на берегу моря.

…Рассказ был закончен, но дети продолжали сидеть молча, потрясённые услышанным.

Глеб Юрьевич обнял сидевших рядом ребят, и сказал необычно-значительным голосом:

— Я рассказал вам о коварстве морской стихии не случайно. Да, сегодня тоже 30 мая, как и много-много лет назад. Мы, живущие сегодня, должны знать историю своей земли. Мы должны помнить, что море не прощает ошибок, а корабли, как и люди, рождаются, живут и умирают. Мы не должны забывать людей, геройски погибших на нашей земле. Люди, забывшие свою историю, не имеют будущего. Я желаю, чтобы ваше будущее было чистым, светлым и долгим. А теперь, ребята, давайте укладываться спать. Совсем мы засиделись.

Морской бриз уже не был таким тёплым и ласковым, прибой уже не шелестел галькой, а с шумом накатывался на берег. И в его гневном рокоте слышался отголосок той давней трагедии…

«Шум невысказанных слов…»

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

Елизавета Гончарова

* * *

яблоня поспевает,
летний закат горит.
девочка всё мечтает
вырасти из обид,
в белом дойдя до арки
не искалечить ног,
больше дарить подарков,
меньше копить тревог.
девочка уповает:
мысли пойдут в дела.
девочка всё мечтает…
вот бы она смогла!
в хрупких руках – синица,
душит синицу страх.
девочка так боится
всё растворить в стихах.
в них, расставляя слоги,
ищет порой ответ.
девочка, верь: дорога –
только любовь и свет.
ярко закат пылает,
время стрелой – вперёд.
девочка, так бывает.
помни, что заживёт.
яблоня поспевает.
сладок ли этот плод?
девочка всё мечтает,
Бог за собой ведёт.

Элина Слотова

ЮЖНАЯ ЗИМА

А тёплый ветер снова дует с юга,
Приносит морось – а хотелось снега –
И мокрые осадки валят с неба.
Я снова засыпаю из-за стука
Некрупных капель о моё стекло –
Непрекращающийся «бом-бом-бом»,
Как тихий и ритмичный метроном,
Как шум невысказанных слов…
И снятся мне густые снегопады,
Мороз не колкий и гирлянды фонарей,
Бесследные дороги и глинтвейн,
Лесов еловых тёмные фасады.

Анжелика Салтанова

ВЕРЮ

Я верю, ты видишь – качаю малютку сына,
пою колыбельную, нежно к себе прижав.
Пусть в холоде ночи горячее солнце стынет,
в груди у меня не стихает душевный жар.

И мне бы тебя отогреть,
хоть на миг услышать,
увидеть себя в отражении серых глаз.
Твой образ на сердце
божественной дланью вышит,
и время не в силах разрушить такую
связь.
Я верю, ты видишь –
растёт по часам твой правнук,
улыбка его освещает ненастный день.
А я замечаю при свете столбов фонарных,
что возле окна притаилась родная тень.
Я тихо пою о любви, о семье, о доме,
к рукам материнским доверчиво
льнёт малыш.
Я нежность касаний твоих
по-прежнему помню,
и знаю, что нашу семью
ты незримо хранишь.

Ася Корнилова

* * *

Накинул Гипнос венок из маков,
Велел опийный испить отвар,
Всего-то пара ресничных взмахов,
И ты во власти мистичных чар.

В горячке сонной сбиваешь простынь,
От стирок тусклую, словно злак,
Сопротивляться не так-то просто,
Сильней снотворного дикий мак.

В бреду бормочешь три буквы «Ася!»
Я с губ усталых сорву твой стон,
Затем исчезну. Не огорчайся,
Быть может Ася — лишь только сон.

К ЮБИЛЕЮ ПОЭТА

Уметь радоваться жизни

Валентина Анатольевна Курмакаева – поэт, член Союза писателей России с 2016 года. Её стихи привлекают внимание своей открытостью, бескомпромиссностью, задорным чувством юмора. Они образны и интересны суждениями женщины пытливой, остроумной, умеющей радоваться всем краскам жизни и остро чувствовать боль другого.

Если вам в руки попадутся сборники стихов В Курмакаевой «Громче тишины», «И было утро», «Сторонникам радуги» и другие, читая, вы получите удовольствие и заряд для размышлений.

3 декабря Валентина Анатольевна празднует свой семидесятилетний юбилей.

Искренне поздравляем поэта с красивой датой и желаем плодотворных, радостных, здоровых долгих лет жизни!

Редакция г. «Донской писатель», коллеги.

«Они лишь крупицы соли...»

Валентина Курмакаева

ПРОСТИ

Пусть память трезвее
Воды из колодца,
Но плачет, и греет,
Зовёт и смеётся.
Прости, ясноглазый,
Кудрявый, высокий
За острые фразы –
Острее осоки.
Влюбился незваный
В девчонку-студентку,
Но бились признания
Горохом о стенку.
Ты слышал с порога:
– С тобой мы не пара! –
Влюбилась в Серёгу,
Того, что с гитарой.
Та модно, так властно
Звучала гитара.
И всё было ясно.
Ах, что б я пропала!
И я пропадала!
И так было нужно!
Прости, разудалый,
С тобой было скучно.
Прости, расхороший,
Высокий, плечистый,
За юности роскошь –
Любить гитариста.

ТЫ МОЖЕШЬ...

Ты можешь себе позволить
Горласто писать и лихо!
Я, в женской своей неволе,
Вязальщица и портниха.
Стихи твои – что скрижали –
Весомее монумента,
Острее дамасской стали,
Прочнее портландцемента.
По цели бьют без осечки,
На треке жмут на педали…
Мои же стихи – от печки
До тёмно-вишнёвой шали.
Я кутаюсь в них по чёлку,
Я чувствую их до нитки.
А после кладу на полку,
Где места ещё в избытке.
Они – не сильнее боли,
Они – не светлее рая,
Они лишь крупицы соли
На ломтике каравая.
И будто живут в сторонке,
В угоду вишнёвой шали...
Но… знаешь, моя солонка
Прочнее твоих скрижалей.

ТЫ УЕХАЛ…

«Никудышный выбрал жребий –
Пусто в портмоне,
Но какие звёзды в небе,
Ё-ка-лэ-мэ-нэ!..»
Виктор Боковой, «Звёзды»

Не простившись, ты уехал,
– Помню, как сейчас, –
Побросав свои доспехи
В старый тарантас.
Я тебя перекрестила
В спину – Бог с тобой!
Налила себе текилы:
– За тебя, ковбой!

Чтобы ты не простудился,
Выйдя налегке,
Чтоб побег тебе простился
В дальнем далеке.

Чтоб купюры шелестели
В новом портмоне,
Чтобы жмурилась в постели
Киска Шаганэ.

Чтоб забыл про Божью кару,
Чтоб ревел мотор,
Чтоб «Ямщик, гони-ка к Яру»,
Чтоб цыганский хор.

Чтобы пил коньяк французский,
Заедал соте,
И потом вздыхал по-русски
Ё – пэ – рэ – сэ –тэ!

ИЗ РАНЕЕ ИЗДАННОГО

Геннадий Колесов

РОДНЯ

Рассказ

Мечется в бреду татарка Фатима. Двое суток промучилась в трудных родах. Далатаки жизнь дочери, сама догорает от тяжёлого воспаления. Чужие в хуторе, жалеть некому. Только начали заселять татары солёное приманычье. Дежурит у постели свекровь — старуха, поит невестку отваром трав, сует в рот голодной внучке жёваный хлеб в марле, козье молоко через соску. Гонит её доктор. Не кричит, а хрипит уже девочка, совсем худо без материнского питания.

За стеной казачка местная Валентина тоже дочку родила. Ночью гулко в маленькой больнице, слышно, как старик Боровков кашляет, за открытой дверью всхрапывает дежурная сиделка. Старая татарка что-то бурчит невнятно, молится чужим богам. И детский плач. Своя под боком посапывает, а чужую жалко. Крадучись, прошла Валентина, в полутьме прижала татарчонка к открытой груди. Фатима бредит, вскрикивает гортанно, старуха чёрными глазами из темноты вглядывается, чужой ребёнок так ослабел — грудь не берет. К себе прижала, сцедила капельку в хрипящий ротик, ещё капельку, соском тронула губки — взяла. Со всхлипам зачмокала жадно, с воздухом, так у груди и уснула, насытившись. Бормотала что-то старуха раскачивая головой, так же тихо ушла Валентина. На рассвете свою кормит и чужой молока хватит.

Утром, трактором по грязному просёлку, увезли Фатиму в район, при ней свекровь. А девочку Валентина не отдала, в своё запеленала, рядом с дочкой положила. Кормит и улыбается: своя беленькая, мягенькая и чужая — темноволосая, худая и смуглая до черноты — день и ночь.

Аллах помог, услышав бабкины молитвы, или районные доктора, только пришла Фатима в дом Валентины через две недели на своих ногах. Смеётся хозяйка: выбирай, какая твоя — обе ухоженные спят в одной колыбели.

Годы прошли. Выросла Гулька, Гюльнара, восточная красавица. На свадьбе рядом с матерью родной мать молочную обнимала. И сейчас Гулька в доме — частый гость. С подарками. Родня!

Виктор Вирченко
г Таганрог

НЕВЕРОЯТНОЕ ВЕЗЕНИЕ

Алексей Викторович с завидной регулярностью летал в Турцию. Но не отдыхать. Он работал агентом в одной из компаний-прокладок по транзиту запчастей из Европы. Создавалась она для обхода санкций. Получили, перепаковали, отправили дальше.

Всякий раз, вылетая в Стамбул, Алексей заказывал себе билет на одно и то же место. Он любил сидеть в самом начале салона, чтобы крыло не заслоняло прекрасный вид из иллюминатора.

Но в прошлый раз, когда автобус набитый соотечественниками, подъехал к самолёту, они, с присущей им культурой, выскочили из дверей и, толкаясь, побежали по трапу занимать места на борту.

Алексей последним прошёл в салон, и с досадой обнаружил, что его кресло оказалось занято каким-то стриженным под ноль и крепко выпившим детиной. На интеллигентную просьбу пересесть, он ответил хамским отказом.

Напрасно Алексей тыкал ему в лицо своим билетом. Бортпроводница тоже ничем помочь не смогла. Она сказала:

— Выбирайте себе любое другое место. Самолёт большой.

Алексей тогда летел как не в своей тарелке и испытал незабываемый дискомфорт.

Впредь, чтоб избежать подобных недоразумений, он разработал хитрую тактику. Когда в аэропорту подавали автобус, он заходил в него последним, и стоял наготове с чемоданчиком у двери.

В очередной поездке, садясь перед вылетом в автобус, он нарочно замешкался, любуясь ночным небом, и вошёл последним.

Когда, проехав несколько минут, они остановились, Алексей Викторович мгновенно выскочил и рванул к самолёту. Добежав до трапа, он оглянулся и с удивлением увидел, что за ним никто из пассажиров не бежит. А в автобус через заднюю дверь поднялись несколько человек в лётной форме. Дверь закрылась, и автобус поехал дальше.

«Это не мой самолёт! — с ужасом сообразил он. — Шофёр просто подобрал какую-то бригаду!»

Алексей Викторович, которого шеф ценил за креативность, и в этот раз не сплоховал. Он принял самое верное решение, — догонять автобус. Поскольку из всех возможных средств передвижения в наличии имелись только ноги, ими он и воспользовался.

«Бежать, бежать! — скомандовал он себе. — Самолёт ждать не будет!»

И Алексей, подобно Боингу, рванул по взлётке вслед за габаритными огнями канувшего в ночи автобуса.

В ушах зашумел прохладный встречный ветер, на глазах выступили слёзы.

Вспомнились слова учителя физкультуры: «При беге нужно вдыхать носом, а выдыхать рОтом».

Всё-таки отличным мужиком был физрук Александр Иванович! Напрасно он подшучивал на уроках над его свистком и красным носом. Сейчас от его предмета напрямую зависела карьера Алексея!

В какой-то момент он даже представил, что бежит по стадиону. И что обут не в итальянские туфли ручной работы, а спортивные кеды, и вместо костюма HUGO BOSS за пятьсот евро на нём трико и майка.

Всё ближе огни самолёта, всё слышнее шум турбин. И всё учащённей дыхание. Вот уже не хватает воздуха, будто кто-то душит в кровати подушкой. Ноги не слушаются. Теперь уже на них не кеды и не туфли, а водолазные ботинки со свинцовыми подошвами.

— Не сдавайся, Демьяненко! — орёт физрук с секундомером в руках. — Сейчас должно открыться второе дыхание. Поднажми, дорогой, финиш близко!

С галстуком на одном плече и с языком на другом он всё же добежал до Боинга.

Трап ещё не убрали. Алексей Викторович хрипя вскарабкался по нему, как африканская пустынная черепаха на бархан. Во рту Сахара. На последней ступеньке нога соскользнула вниз и на ляжке подло лопнули брюки.

В салоне самолёта тихо. На него, потерянного по дороге, как на релоканта, зло уставились пассажиры.

К великой радости, его любимое место осталось свободным!

— Пить... Воды... — взмолился он пересохшими губами.

— Да, да! — Понимающе улыбнулась стюардесса. — Как только взлетим и наберём высоту обязательно принесу...

Донской Пегасъ

Газета Вседонского литературного сообщества Ростовского регионального отделения Союза писателей России

ЛИТО «ЧАЙКА» г. ТАГАНРОГ

Елена Косяченко

Родилась 18 марта 1951 г.
С 2005 года является членом таганрогского литературного объединения «Чайка». Печаталась в литературно-художественных альманахах: «Берега», «На орбите поэзии», «Новые острова», «Мозаика Юга». В журнале народной поэзии, прозы, авторской песни «Южный меридиан». В исторически-литературном альманахе «Вехи Таганрога». В сборнике, посвящённом 65-летию Победы в ВОВ «Нас память возвращает в 45-й». Издала авторские книги: «Глаза в глаза», «В нежности осенней», «Пьянит дыханье волшебства».

ОГОНЬ ЛИСТВЫ

Багряно-рыжий сад уже поник,
И бродит ветер меж деревьев,
как незрячий,
И по утрам туманы ткутся,
травы плачут,
Пугливой птицы одинокий вскрик.

Дрожащий свет пробился сквозь листву,
Вздыхают яблони по лету золотому,
Поющему дождю, раскатистому грому,
Качанью крон на ласковом ветру.

Как далеки те сказочные дни,
Когда душа в душе
так нежно растворялась,
Луна в тумане то сияла, то терялась,
Казалось, во вселенной мы одни.

Открою дверь и выйду на крыльцо,
Огонь листвы опять моё сжигает сердце,
И на груди твоей я так хочу согреться,
Но осень дышит холодом в лицо.

Лолита Гурецкая

Родилась 21.02.1961 года. Проживаю в городе Таганроге. Печаталась в альманахах «Берега», «По горящим следам», «Вехи Таганрога», «Степь на ладонях», в газетах «Таганрогская правда», «Таганрогский пенсионер», «Донской Пегас». Член таганрогского литературного объединения «Чайка», член ВЛС.

ЛЕТНЯЯ ГРОЗА

Драконы-тучи небо проглотили,
А ветер с моря свежестью дышал.
С тобою мы по берегу бродили,
В своей ладони ты мою держал.
Но молнии заплаты туч прорвали,
Раздался гром немного погодя,
По берегу и морю побежали
Босые ноги летнего дождя.
И мы мгновенно вымокли до нитки,
Но не спешили убежать с тобой,
Меня ты обнял с ласковой улыбкой:
«Промокли, так зачем спешить домой?»
И ты держал меня в своих объятьях,
Дождь, молнии – всё было нипочём!
Слегка касаясь шёлкового платья,
Пил поцелуи пополам с дождём…

ЯЛТА

Бархатное солнце гладит тело,
Бросив повседневные дела,
Я на отдых в Ялту прилетела,
Жить без моря больше не смогла!

Горы изрисованы домами.
Нахлобучив шапки облаков,
Склоны разукрашены лесами,
И пейзаж божественный готов.

Ветер с моря гладит пальм причёски
И прохладной свежестью пьянит.
Волны делят море на полоски,
С солнышком играет лазурит.

А вдали толпится на причале
Едущий в морской круиз народ…
Как приятно, позабыв печали,
С головой нырнуть в пучину вод!

Николай Перфилов

«Родился случайно 02.04.1961 г.
Оказался седьмым по счёту. Именно эта случайность сыграла злую шутку и... я начал сразу читать поэтов серебряного века, а потом, научившись писать, стал «баловаться» стихосложением. Но врождённая человеческая лень до сих пор не даёт дописать и выпустить единственную книгу моих жизненных впечатлений.
Занимаюсь в ЛИТО «Чайка» (г. Таганрог).
Печатался в альманахах: «Вехи Таганрога», «Берега», «Дон», «Донской писатель».

* * *

Милый мой человек!
Не суди меня строго.
День прошёл. Без тебя. Не вернуть.
Не догнать.
Я хочу в новой жизни родиться дорогой,
Чтобы каждый твой след
на Земле целовать.
Отчего? Отчего мы
не правим судьбою?!
Как загадку загадок суметь разгадать?
Я хочу в новой жизни родиться звездою
И дарить лишь тебе
всех небес благодать.
Жизнь уйдёт. Всё отдам ей
с последним поклоном.
И забудут меня, как забыли других.
Всё равно я вернусь!
Прорасту к тебе клёном,
Чтоб коснуться ветвями ладоней твоих.

Наталья Орлова

(18.11.53 г.р.). С 2004 по 2014 г. г. была членом ЛИТО «Парус» (г. Ейск Краснодарского края). Печаталась в совместных сборниках членов ЛИТО «Парус» и в городской газете г. Ейска. В г. Ростове-на-Дону в 2014 г. издала книгу стихов «Нет возраста любви». Сейчас является членом таганрогского ЛИТО «Чайка».

ПРАЗДНИК ВНУТРИ

Помыслы чистые,
Глаза лучистые
Любовью светятся.
В сознании вертится:
Кто его знает?
Так не бывает!
Тёплышко телу,
Ласково сердцу,
Странное дело –
Открыла дверцу
Всему хорошему.
Хочется, можно
Собою делиться.
Светлое чудо
В душе творится!

ЛТО им. А. НЕДОГОНОВА г. ШАХТЫ

Алексей Заратуев,
кандидат в члены СП России, член ВЛС.

ПОДВИГ ДОНСКОГО КАЗАКА

Рассказ

Во время Великой Отечественной войны в Константиновском районе Ростовской области, около хутора Камышный был высажен немецкий десант. Фашисты были вооружены крупнокалиберными пулемётами. Они успели окопаться и замаскировать свои боевые расчёты на склоне горы возле центральной дороги из станицы Константиновской на город Сталинград. Стоял знойный июльский день 1942 года. Войска Красной армии отходили в сторону Сталинграда. На берегу реки Дон три роты строем, без всякой армейской разведки и без связи. Немецкие самолёты продолжали их преследовать, они бомбили не только красноармейцев, но и беженцев, безоружных людей – женщин, стариков и детей.

Местный житель, потомственный казак, старый разведчик, уже воевавший против германцев в первую мировую войну, Молоканов Терентий Иванович, подошёл к немецкому полковнику, поздоровался на немецком языке:

— Гутен таг! — и стал жаловаться, что «Советы» у него отобрали девятнадцать коров, а вот взамен его семья ничего не получила.

Офицер знал русский язык и сразу назначил его старостой. Так Терентий Иванович вошёл в доверие к фашистам. Через двое суток он увидел со своего двора, находившегося на холме, как идут к их хутору колонны советских солдат. Наши солдаты не знали, что ждёт их впереди. Тогда Терентий Иванович побежал к траншее с фашистами. Полковник дал ему свой бинокль посмотреть на солдат Красной Армии и похвалился:

— Сейчас ты, Иван, увидишь, как твои красноармейцы будут умываться своей кровью!

Полковник уже поднял руку и хотел дать команду «Огонь»! Но он не учёл того, что настоящие донские казаки смерти не боятся! А погибнуть на родной земле своих предков, да ещё совершив при этом подвиг, — примут за честь!

Терентий Иванович, долго не думая,

крепко сжал свой свинцовый кулак и врезал полковнику между глаз. Фашист улетел с горы кубарем до самого низа. Донской казак по-молодецки заскочил на бруствер и закричал:

— Сынки, куда же вы идёте? Здесь же немцы!..

Второй офицер выхватил из кобуры пистолет и выстрелил несколько раз в Терентия Ивановича. Наши солдаты услышали выстрелы. Началась беспорядочная стрельба. Красноармейцы успели занять выгодные позиции для ведения боя. В том бою они обошли немцев с флангов и нанесли сокрушительное поражение противнику, понеся при этом незначительные потери.

Молодые солдаты впервые почувствовали вкус победы. У них появилась уверенность в том, что фашистов можно и нужно побеждать! После ожесточённого боя наши солдаты похоронили Терентия Ивановича на местном кладбище со своими боевыми товарищами, со всеми воинскими почестями!

Так внезапно оборвалась жизнь нашего донского казака. Терентий Иванович ценою своей жизни спас молодых солдат Красной Армии. Он верил в молодое поколение и, видимо, чувствовал, что наше красное знамя будет реять над рейхстагом! А ещё у него была надежда, что эти ребята, которым он спас жизнь, отомстят за него и за тех безоружных стариков, женщин и детей, которые погибли от фашистских пуль.

Конечно, подвиг Терентия Ивановича вдохновил солдат и офицеров. Все они, несмотря на тяжёлые ранения, рвались в бой, чтобы мстить своему врагу за близких и родных, за сожжённые хаты и города.

Зинаида Калмыкова,
член ВЛС

ШАХТЁРСКАЯ СЕМЬЯ

Шахтёрский труд знаком не понаслышке –
У нас самих шахтёрская семья.
И мастерство муж передал сынишке:
«Будь лидером в труде, таким, как я»!

Рабочую сын принял эстафету
И стал трудиться, не жалея сил,
И, следуя отцовскому завету,
Он антрацит из шахты вывозил.

Свою частичку теплоты душевной
Он многим людям в жизни подарил.
И этот камень, чёрный и волшебный,
Стране давал могущества и сил.

Шахтёрский труд нелёгок и опасен,
Об этом знает каждый: стар и млад,
Но славными героями – прекрасен,
Их грудь всегда блистает от наград!

Владимир Беляев,
член ВЛС

ФРОНТОВАЯ ЛЮБОВЬ

Стонала роща от бомбежки,
Разрывы ветви к травам гнут,
Под искалеченной берёзкой
Цветок нашёл себе приют,
С рассветом начал распускаться,
А на земле творится ад,
В затишье будут любоваться
Им медсестричка и солдат.
Они на тропке повстречались,
Журчала талая вода,
Здесь первый раз поцеловались,
Скрепляя чувства навсегда.
В окопах он, она в санчасти,
Куют победу над врагом,
Такое фронтовое счастье,
Как будто нет боёв кругом.
Мечтают, чтобы были вечно,
Любовь, цветок и тишина,
Не может длиться бесконечно
Всем надоевшая война…

Раиса Максимова,
член ВЛС

ВЕЧЕРНИЕ ЗАКАТЫ

Люблю вечерние закаты.
Горит багрянцем небосвод,
Белеют мазаные хаты,
И птиц не слышен хоровод.

На землю вечер опустился,
Оставив тени от берёз,
И снова с ливнем возвратился,
Отбарабанив песню гроз.

А грома дальние раскаты,
Как эхо в небе золотом,
И радуга у края хаты
Повисла над моим окном.

Ушедший вечер не забыла,
И снова в детство мой полёт.
Ах, как давно всё это было,
И молодость опять зовёт!

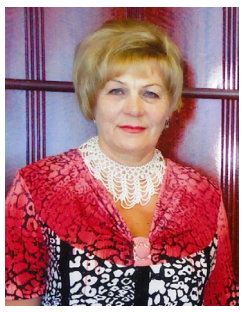
Ольга Дёмина,
член ВЛС

* * *

Я растворяюсь в тишине ночи –
Объёмной, тайной и видений полной,
Она во мне, быть может, прозвучит
Открытым смыслом вечности
безмолвной...

И я пойму забытых в суете,
Веками скрытых, в прошлое ушедших,
Вдруг звёздочкой блеснувших в высоте
Очарованье жизней тех, прошедших...

Маина Гноевая,
член ВЛС



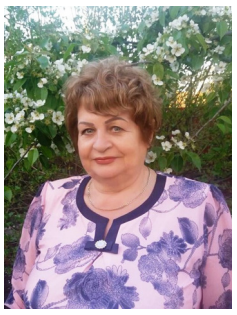
БАБУШКЕ ПОСВЯЩАЮ

Я помню руки бабушки моей,
Хоть нет её уже давно на свете.
Я рук не знала ласковей, добрей,
Чем жёсткие, мозолистые эти.

Я помню руки бабушки моей,
Что утирала слёзы мне когда-то,
В пригоршнях приносила мне с полей
Всё, чем весна в родном краю богата.

Я помню руки бабушки моей
И нежной ласки редкие мгновенья.
Я становилась лучше и сильней
От каждого её прикосновенья.

Алла Юрина,
член ВЛС, пос. Каменоломни,
Октябрьский р-он, Ростовская область



СОРОКА И ВОРОНА

В конце нашего сада растёт высокая берёза. Несколько лет на ней гнездится сорочья семья. Хотя они делают ещё и запасные гнёзда-обманки на деревьях, чтобы отвлекать врагов, но почему-то всё время селятся на берёзе, каждый год, ремонтируя именно это гнездо. Гнёзда у них шаровидные, с узким отверстием.

Наблюдать за сороками очень интересно. Оперение у них чёрно-белое, чёрное с фиолетовым оттенком и металлическим блеском. Мы даже дали им клички: Сара и Вуг — сороки интеллектуалы. Сара может имитировать человеческую речь, а Вуг передразнивает нашего пса Дуката звуками, похожими на лай. А ещё Сара любит смотреть в зеркало, которое мы повесили на дерево, растущее напротив берёзы. Думаем, что она, смотрясь в него, осознает, что видит именно себя.

Они, конечно, живя с нами по соседству, ведут себя порядочно, как и полагается соседям, но иногда всё же приносят нам ущерб, который заключается в том, что если не доглядели за цыплятами, утятами, то сороки не зевают — быстренько тащат к себе в гнездо, всё своим деткам. Обижают пса Дуката: стоит ему зазеваться, как из миски мгновенно исчезает вкуснятина. Целыми днями сороки летают, трещат и всё тянут в гнездо. Мы, конечно, обижаемся, но всё равно всё им прощаем.

Особенно не любят они нашего кота Ваську. Как-то решил Васька сходить в «гости» к соседям-сорокам. Но ему в гостеприимстве отказали. Летел он, бедолага, с верхотуры кубарем, да ещё сверху его долбили два острых клюва. Приземлился Васька, правда, на все четыре лапы, как и положено по природе коту. Отлёживался после этого долго, вздрагивая при каждом звуке трескотни сорок. Вывод: «Без приглашения в гости ходить нежелательно».

Вот так и живём по соседству: мы наблюдаем за сороками, а они высматривают, чтобы такое ещё стащить у нас. После рыбалки, всегда делимся с ними рыбкой. Тут уж трескотни наслушаемся вволю.

Однажды весной, когда у наших соседей была пора высиживания птенцов, появилась в саду ворона. Настоящая серая ворона. У неё крылья, голова и хвост — чёрные, а туловище — серое. Прилетала она всегда в полдень, видимо, это было время её одинокого отдыха, так как, в основном, вороны летают группами. Ворона усаживалась на макушку груши и наблюдала за гнездом, вертела головой из одной стороны в другую. Вдруг каркнула, взлетела — и к гнезду. Мы даже не поняли в чём дело. Ворона выхватила из гнезда яйцо и лёту. Сара сорвалась, и за ней. Это надо было видеть! Ворона удирала изо всех сил, но сорока не отставала: на лету хватала её за хвост, наскакивала на спину, била ворону крыльями. Так они и летели. Одна удирала, а другая преследовала. Наблюдали мы за ними, пока они не скрылись из виду.

Ворона считается умнее и сильнее сороки, хотя менее хитрая. Но, как мы поняли, победа была за Сарой. Инстинкт материнства победил, и больше ворона в саду не появлялась. Сороки вырастили своих птенцов, обучили их своим манерам и вновь покинули гнездо.

Вот такая история случилась по «соседству» с нами.

Издательство литературного фонда России Донской писатель Ростов-на-Дону

Газета писателей Ростовской области
Гл. редактор *Людмила Хлыстова*
Редакторы *В. Морж, О. Губарева, К. Павленко, В. Зименко*
Вёрстка *И. Сиренко*
Фото из архива ДП. Использован ресурс Интернет.

Номер подписан в печать 7.12.2023 г. Тираж 990 экз.

Адрес редакции: 344019, Ростов-на-Дону, пр. Шолохова, 1
т. 8-918-599-67-51; 8-989-535-21-19;
donpisatel@yandex.ru; lyudmila-hlystova@mail.ru

Общественная редакционная коллегия:

А. Береговой, В. Воронов, А. Глазунов, В. Зименко,
Л. Малюкова, Е. Натальченко,
К. Павленко, В. Селин.,
Г. Студеникина, Д. Ханин,
Л. Хлыстова — члены СП России

Номера газеты «Донской писатель», журнала «ДОН_новый» и Донского литературного альманаха можно прочитать на сайтах: www.donpisatel.ru

За достоверность предоставляемой информации несёт ответственность автор.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с некоторыми утверждениями в публикациях.

Рукописи принимаются только при использовании буквы «Ё», в прозе — длинных тире, в поэзии – коротких, кавычки должны быть такого образца «-».

Газета издаётся при поддержке Министерства культуры Ростовской области.